

Николай Вольский

Жлобы и интеллигенты

В интернете устойчиво повторяется утверждение о том, что Д.С.Лихачев считал определение «жлоб» антонимом к слову «интеллигент». Мне, к сожалению, не удалось найти точную ссылку на это высказывание. По-видимому, оно прозвучало в одной из телевизионных бесед, в которых Лихачев делился со зрителями своими соображениями о культуре и прочих увлекательных материях. Но даже если сопоставление *жлоба* с *интеллигентом* и не принадлежит столь авторитетному в вопросах культуры человеку, каким был академик Лихачев, то в нем всё же чувствуется нетривиальный поворот обсуждаемой нами темы, и мне кажется, что имеет смысл немного поумствовать в указанном – академиком или не академиком? не так уж и важно – направлении.

Чтобы наши умственные усилия не пропали даром и привели нас к неким общезначимым и общеупотребительным выводам, надо в первую очередь условиться о точном (по возможности) значении рассматриваемых понятий. Относительно того, что такое «интеллигент» мы уже определились¹, но это, безусловно, не так в отношении «жлоба». Слово это – редкое, вероятно, его надо считать просторечным, с оттенком вульгарности, и появилось оно в литературном русском языке сравнительно недавно. Этимология слова *жлоб* темна², и нам не удастся прояснить его семантику, обратившись к значению генетически связанных с ним слов. Этого слова не найдешь в стандартных словарях русского языка (за исключением самых последних лет издания), нет его ни у Даля, ни в словаре Гринченко. А самое главное, оно не встречается у русских литературных классиков, так что мы не можем уяснить его смысл из контекстов, в которых его расположили признанные знатоки русской речи. Откуда этот *жлоб* вынырнул остается загадкой (предполагается, что из польского языка – но там-то он как возник?)

Поэтому у нас в данном случае нет иного выхода, кроме как полагаться на свое языковое чутье. Так и поступают участники интернет-обсуждений, заинтересовавшиеся уточнением значения этого слова. И оказывается, что разные люди используют выражение *жлоб* (*жлобствовать*, *жлобиться*, *жлобский*) в различных, далеко отстоящих друг от друга смыслах. Наиболее часто с ним связывают понятие «жадный, скупой, жмот, скряга, тот, у кого зимой снега не выпросишь», но наряду с этим упоминаются «неотесанный нахал, хам», «тупой, примитивный, неразвитый», «грубый, невоспитанный», «здоровенный, крепкий, крупный, физически сильный», «деревенский, нецивилизованный, мужик, крестьянин». Получается, что под определение *жлоб* подходит очень пестрая компания самых разнообразных субъектов. До некоторой степени эти далеко не идентичные смыслы пересекаются, и вполне возможно применить часть этих значений к одной и той же личности. Как сказала одна из участниц обсуждения:

¹ См. Вольский Н. Почему начальники не любят интеллигентов?

² В этимологических словарях это слово не отыщешь, и даже если мы предположим, что *жлобствовать* и *злостствовать* – фонетический дуплет (как *чудесничать* и *чудесничать*), то это мало что может нам дать. Происхождение слов *злбный*, *злой* само по себе крайне туманно, и единственное, в чем можно быть уверенным, так это лишь в том, что корень этот принадлежит к древнейшему слою индоевропейских языков, поскольку родственные слова обнаруживаются и в славянских, и в балтийских, и в иранских языках.

...Казалось бы, разные значения, но образ рисуется один: здоровый, физически крепкий, не слишком умственно развитый, но с крестьянской хваткой, скуповатый, мелочный, ищущий выгоду для себя.

Соглашусь, что человека, напоминающего обрисованный выше портрет, можно встретить в жизни и что он не будет выглядеть фигурой, сложенной из кусочков, принадлежащих разным людям. Его характеристики не противоречат друг другу и, возможно, способствуют совместному их проявлению у одного лица – между ними чувствуется определенная психологическая корреляция. Однако, остается совершенно неясным, что в этом портрете – главное. Можно ли убрать из него физическую крепость, не отнимая у субъекта права называться *жлобом*? А может быть, и человек, к которому неприменима в полной мере ни одна из этих черт, способен в некоторых ситуациях повести себя так, что мы должны будем охарактеризовать его поведение как *жлобское*? *Жлобство*, как и *интеллигентность*, как и почти любое психологическое свойство редко встречается в природе в виде чистых, беспримесных самородков. Гораздо чаще людские свойства оказываются рассеянными среди множества лиц, у которых можно обнаружить большие или меньшие вкрапления того же *жлобства* в породе иного состава. Откровенный беспримесный *жлоб* относительно редок, а вот проявления *жлобства* – то, с чем приходится сталкиваться регулярно. Я надеюсь, что ни меня никому не придет в голову назвать *жлобом*, ни читатель не вызывает в этом смысле подозрений. Но можете ли вы, читатель, поклясться, что никогда в жизни вы не вели себя *по-жлобски* или, по крайней мере так, что вас могли заподозрить в *жлобстве*? Если можете, то я вам завидую, – про себя я, увы, такого утверждать не могу. Были в жизни случаи, когда я, не будучи патентованным *жлобом*, совершал поступки, в которых был явно заметен привкус *жлобства* и которые мне не хочется вспоминать. Но тогда можно сказать, что *жлоб* – это не какой-то экзотический мутант, а всего лишь субъект, у которого в чрезмерной степени проявляется психологическое свойство, в той или иной мере присущее большинству из нас. И тот, кого мы сейчас называли *жлобом*, возможно, не такой уж выраженный *жлоб* – просто при контакте с нами он показал нам одну, вовсе не доминирующую в его характере, неприятную черточку своего психологического портрета. Возможно, завтра и в дальнейшем мы в нем ничего подобного больше и не заметим.

Но это всё – лишь предварительные замечания, а сущность понятия *жлоб* по-прежнему остается для нас загадочной. Обращаясь к данному слову, я имел надежду, что его точное, исчерпывающее и быющее в самую точку толкование я смогу найти у А.Круглова, чье определение *интеллигентности* уже было мною ранее использовано. Но в его словаре я *жлоба* не обнаружил, вероятно, автор не заинтересовался им или счел недостаточно значительным, чтобы внести его в словник.

Посему у меня нет другого выхода, нежели поделиться с читающими своим пониманием этого слова и затем попытаться прояснить, каковы взаимоотношения лица, именуемого *жлобом*, с теми, которые называются *интеллигентами*.

Я не могу объяснить, каким образом у меня сложилось представление о том, кто такой *жлоб*. С ранней юности я время от времени слышал это слово в разных ситуациях, вероятно, и сам его иногда употреблял, не слишком задумываясь над тем, что я, собственно, имею в виду. Сталкивался я и с теми, кого считал *жлобами* – как же без них? Вот в таких обыденных обстоятельствах и появилось у меня, как и у большинства других носителей русского языка, свое собственное (не заимствованное из словаря или из чьих-то разъяснений) представление о типичных *жлобах*. Я не могу привести никаких доказательств того, что мое понимание смысла этого слова более соответствует духу русского языка, чем мнения, высказываемые другими людьми, и если кто-то скажет, что *жлоб* – это совсем не то, что я называю этим именем, а нечто совершенно иное, то я не вижу способа доказать свою правоту, да и не буду на ней особенно настаивать. Я могу лишь изложить тот взгляд на *жлоба*, который мне представляется интуитивно верным.

В моем понимании, *жлоб* – выраженный *жлоб*, тот, относительно которого не возникает сомнений, что он *жлоб*, – отличается от обычных людей одной, но весьма важной психологической характеристикой. Будем называть обычного среднего человека *нормальным*, предполагая, что *норма* – это характеристика подавляющего большинства людей, а *жлоб* в

рассматриваемом отношении ненормален, он не такой как большинство. Среднего человека можно считать нормальным еще и потому, что в его психологическую конструкцию встроено множество разнообразных норм, регулирующих человеческое поведение. Обратим свое внимание только на те, которые определяют поведение человека в отношениях с другими людьми и действуют в ситуациях, когда возможен или наличествует конфликт интересов. Возьмем для примера ситуацию, когда два человека сталкиваются в дверях: один хочет выйти, другой – войти, но одновременно они не могут это сделать и кто-то должен уступить, пропустив своего визави первым. Нормальный человек в этом случае действует в согласии с некой социальной нормой, которая была заложена в него воспитанием. Предположим, если мужчина сталкивается в дверях с женщиной или стариком, то он не колеблясь уступает дорогу; если он сам старик, то он ожидает, что младший по возрасту уступит ему и т.д.

Жлоб – это тот, в сознании которого таких норм нет, а если он и знает их, то он не руководствуется ими в своем поведении. Точнее сказать, обычно он их, конечно, знает, но это не его внутренние нормы, он не собирается с ними считаться, это нормы других людей, с которыми сталкивается *жлоб*.

Возьмем нормы, связанные с любой дележкой: двое людей должны нечто разделить – это могут быть блага (булка хлеба на двоих голодных), но могут быть и тяготы (груз, который надо перенести, или ответственность, которую надо разделить между участниками действия). Если ситуация, в которой требуется нечто разделить, достаточно стандартна, то всякий, выросший в данном обществе, знает, как должен вести себя любой нормальный человек при подобном разделе, если же ситуация необычна, нормальные люди стремятся действовать по аналогии с известными образцами и т.д. Раздел, произведенный в соответствии с общепринятой в обществе нормой, считается справедливым, а если граница раздела отступает от той, что предписана нормой, то кто-то из участников будет считать себя несправедливо обделенным. При этом далеко не всегда справедливый раздел – это дележка на равные доли. Это всего лишь простейший вариант, а во многих случаях норма предписывает учитывать самые разнообразные обстоятельства. Так норма расхождения в дверях учитывает пол, возраст и другие особенности столкнувшихся (ученик должен уступить учителю, а любой человек, даже дама преклонных лет, должен пропустить человека, несущего громоздкий груз и т.п.)

Жлоб осознанно и, можно сказать, принципиально отказывается от соблюдения социальных норм. Принцип справедливости, связанный с их соблюдением, для него – пустой звук, его поведение не регулируется встроенным в психику понятием о справедливой общеобязательной норме, которую он должен соблюдать, чтобы не нарушить права прочих людей. С другой стороны, *жлоб* не может всегда и всюду игнорировать эти нормы и делать всё, что ему заблагорассудится. Такой *жлоб*, если когда и существовал, давно уже кончил свою жизнь в канаве с пробитым черепом. Обычный *жлоб* – вовсе не отчаянный нахал и не безрассудный малый, идущий на любой риск, чтобы получить желаемое. То есть он, конечно, может быть и тем и другим, но это отдельные свойства, не входящие на правах компонентов в его *жлобство*. А средний *жлоб* так же прагматичен, трезв, осторожен и даже труслив, как и средний нормальный человек, и так же не любит без особой нужды лезть на рожон, как и мы с вами. Его отличие от *нормальных* в том, что в своем поведении он руководствуется не нормами и связанным с ними представлением о справедливости, а принципом, который выглядит очень просто, по сравнению со сложной системой норм, но на деле требует не меньших усилий при воплощении его в жизнь, чем стереотипное следование затверженным нормам.

Жлобский принцип гласит: в каждой ситуации бери максимум желаемого, который достигим без излишнего риска. Казалось бы, чего проще: хватай, сколько унесешь, и вся недолга. Однако в реальности следование такому принципу превращает жизнь *жлоба* в непрекращающийся поиск, связанный с расчетом бесчисленных вариантов и постоянным нервным напряжением. Попав в обычную ситуацию конфликта интересов, *нормальный человек* без раздумий проводит границу, отделяющую ту часть, которая положена ему по справедливости, забирает свою долю и довольный продолжает свой путь – он получил, что ему было положено, и ему не о чем беспокоиться. Может быть, хотелось бы побольше, но такова оказалась его доля. *Жлоб* же не может поступать таким образом, это было бы нарушением его жизненного принципа. Если бы он молча удовлетворился той частью, которая осталась ему

после справедливого раздела, произведенного *нормальным*, *жлоб* неминуемо чувствовал бы себя обойденным и даже одураченным этим *нормальным*, он должен был бы оценить себя как лузера, пошедшего на поводу у первого встречного. Ведь если бы он, *жлоб*, повел дело по-жлобски, стараясь оттягать как можно больше, то не исключено, что его соперник (а для *жлоба* всякий, с кем он вступает в какие-либо отношения, соперник) мог бы поддаться давлению и *жлоб* получил бы на столько-то больше. А теперь *нормальный* ушел и унес с собой это *столько-то*, по сути ему не принадлежащее, поскольку оно должно было бы войти в состав жлобской доли. Тот, получается, выиграл, а *жлоб* потерял.

Чтобы не мучиться потом бесплодными сожалениями по поводу потерь и проигрышей такого рода, *жлоб* в любой ситуации стремится каким-то способом установить границу, на которой возникает равновесие сил. Оттягать до сих пор он еще может, а на дальнейшие попытки увеличить свою долю у него уже не хватает возможностей. Именно этот предел и представляет собой *по-жлобски справедливую* границу раздела. Для *жлоба* сила является единственным источником права, а потому справедливым он считает раздел, обусловленный соотношением сил: тот, кто оказался сильнее, должен получить бóльшую долю (и если силы несравнимы, ему по справедливости принадлежит всё). Поэтому типичное поведение *жлоба* – это тестирование сил противника. Любые отношения начинаются с того, что *жлоб* делает шагок через предполагаемую границу и ждет реакции соперника, если же она отсутствует, делает еще шаг, и так до тех пор, пока соперник не возмутится и не пообещает дать *жлобу* в глаз – после этого возможны два варианта: в первом – *жлоб* приходит к выводу, что дальше нажимать рискованно, чуть-чуть отступает и предлагает завершить дележ (*справедливая, по его мнению, граница* определена), во втором – *жлоб* считает, что опасность невелика, и продолжает нажим, чтобы остановиться на каком-то из следующих шагов. Даже когда делить нечего, типичный *жлоб* тестирует окружающих, наседая на них и выясняя их способность к отпору – это его способ ориентировки в мире: он не чувствует себя комфортно, если рядом находится некто, чья сила *жлобу* неизвестна. Ему непременно надо знать, кого он сильнее и кого слабее, и насколько слабее. Учитывая его способ общения с окружающими, для него это самое важное знание о мире.

Хотя в оценке сил базовую и преобладающую роль играет способность к физическому насилию (крепкие кулаки, нож за голенищем, наличие отчаянных приятелей, родственники, служащие в полиции и т.п.), тем не менее прямое насилие – лишь основа жлобского поведения, а в качестве «силовых средств» могут использоваться любые подходящие методы: угрозы, способность блефовать, умение надуть и провести за нос, преимущество, вытекающее из нечувствительности к общественному мнению, хитрость, умение распознать слабости соперника и воспользоваться ими – короче, любые ведущие к доминированию возможности. *Жлоб* чаще угрожает, но может и «бить на слезу», представляться обиженным или эксплуатировать добросердечие соперника или его отвращение к публичным конфликтам. Ему, в принципе, не важно, чем и как он выдавит, вытянет, выцыганит, выклянчит, вымолит, вынудит (от слова *нудеть*), вырвет у соперника нечто поверх положенной ему (по общепринятым нормам) доли. Чтобы чувствовать себя молодцом и успешным деловым человеком, «фартовым парнем» ему надо получить некоторый плюс, и он всеми способами будет его добиваться.

Исходя из такого понимания слова *жлоб*, можно без особого труда объяснить и другие распространенные его толкования:

Жлоб – скряга, жадина. Понятно, что человека, упорно стремящегося нечто урвать и не желающего идти ни на какие компромиссы в этом стремлении (его цель – максимум возможной выгоды), легко расценить как патологически жадного и скупого. Я не стану спорить с тем, что *жлобский способ бытия* не предрасполагает к развитию в субъекте щедрости и великодушия, но мне кажется, что жлобство вполне может сочетаться с показным мотовством и склонностью к широким жестам – выжав приличную сумму из оказавшихся неспособными к эффективному отпору старушек и провинциальных *лохов* и праздною свой деловой успех, «отвалить» крупные чаевые официанту или купить корзину цветов и подарить его певице в ресторане, исполнившей любимую песню *жлоба*: «Ты, Россия моя...» Настоящий скупец и скряга такого не сделают, а некоторые из жлобов, мне кажется, способны на подобные поступки. Жлобству, как таковому, они не противоречат.

Жлоб – здоровенный мужик, амбал. Скорее всего такое представление о *жлобах* появилось под влиянием известной песни Высоцкого:

...Выходили из избы
Здоровенные жлобы,
Порубили те дубы
На гробы...

Но с другой стороны, жлоб ведет себя по-жлобски напористо, только когда чувствует за собой преимущество в силе, в случае же наличия рядом превосходящих его силой субъектов, жлоб (в соответствии со своим представлением о праве и справедливости) отказывается от всяческих притязаний, безмерно уступчив, предупредителен и вежлив, то есть таков, каким мы не привыкли его видеть, а потому и не распознается как типичный *жлоб*. Отсюда может возникнуть образ *жлоба*, как непременно физически сильного (по сравнению с окружающими) типа. Отсюда же может возникнуть иллюзия, что *жлоб* редко встречается в одиночку, чаще встречаемые в публичных местах *жлобы* находятся в компании других таких же *жлобов*.

Жлоб – тупой, неразвитый, невоспитанный, грубый, неотесанный нахал. Несомненно, того, кто в своем поведении не руководствуется общепринятыми нормами, более того стремится нарушить их, где только возможно, видя в этом повышение своего социального ранга³, мы вправе описать, как невежу, нахала, грубияна и невоспитанного тупицу, не имеющего понятия о цивилизованных манерах общения.

Жлоб – деревенский, мужик, выходец из темной глубинки. Я подозреваю, что у представления, связывающего *жлобство* с «этими понаехавшими», есть более интересная подоплека, по сравнению с более простым и «линейным» происхождением предыдущих толкований слова *жлоб*. Я не стану отрицать, что в «деревне» (понимаемой, как противоположность «большому городу» и «центру цивилизации») есть свои *жлобы* – почему бы им там и не быть? Я даже не буду спорить, если кто-то считающий себя знатоком деревенских нравов будет утверждать, что грубость и простота сельской жизни способствует развитию жлобства в тамошних жителях – откуда я знаю? может быть, это и так? Следовательно, среди *понаехавших* должны встречаться – в большем или меньшем количестве – эти *деревенские жлобы*. Но мне кажется, что значительную часть избыточного жлобства у попавшей в город «деревни» следует трактовать как особый феномен: я бы назвал его *вынужденным жлобством*, коренящемся не в исходной структуре личности *понаехавшего*, а в той ситуации, в которой он оказывается, попадая в город. *Жлобом* человека может сделать именно переход из одной культурной среды в другую. Дело здесь в неминуемом конфликте между исходной «деревенской» системой норм, в которой *понаехавший* вырос и которую он естественным образом усвоил, и системой норм, свойственной коренным горожанам. Несмотря на фундаментальное сходство между ними, они обнаруживают и множество расхождений – особенно в отношении многообразных нюансов и оттенков в оценках различных ситуаций. Поэтому попавший в город деревенский житель оказывается в положении человека, чьи справедливые (то есть соответствующие *его норме*) притязания попираются этими нахальными городскими, которые без зазрения совести вторгаются на принадлежащую ему по праву территорию, а его попытки реализовать свои права встречаются окружением в штыки, и его же при этом обвиняют в грубости и хамстве.

Почему себе они позволяют и то и это, а когда я делаю то же самое (он ведь не видит тех тонких различий между ситуациями, которые сходу распознаются выросшими в этой социальной среде людьми), они указывают мне на недопустимость такого поведения – значит, им, городским, можно, а нам, «деревне», людям второго сорта, нельзя! Так что ли? Нет, ребята, я не для того сюда приехал, чтобы во всем вам уступать. И я свое возьму. Вы нахалы, так и я не буду излишне стесняться. Не на того напали!

³ То, что для низшего по рангу представляет границу, которую он не смеет переходить, для более сильного, имеющего высокий ранг, границей не является, он спокойно переступает ее и идет до своей границы, расположенной где-то дальше.

У перешедшего в новую социальную среду почти неизбежно должно возникать ощущение, что его окружение кишит жлобами⁴, которые постоянно испытывают его на прочность, теснят во всех отношениях и напирают на него со всех сторон. Но такое внутреннее ощущение снимает с него самоограничение (или, по крайней мере, ослабляет его) – если вы со мной так, то и я не буду с вами церемониться: *с волками жить – по волчьи выть*, а иначе тебя просто затопчут. Человек разрешает себе жлобские приемы и оправдывает свое жлобское поведение, поскольку считает, что *к этому его вынуждает жлобская городская жизнь*.

Даже если «горожанин в первом поколении» и осознает неприменимость «деревенских» впитанных им с молоком матери норм в городских условиях, где всё не так и где люди живут по-другому, – думаю, что большинство, конечно, сознает этот факт, в большей или меньшей степени, – такое понимание не может заменить усвоение новых норм поведения. Пусть человек искренне желает перестроиться и жить «по-городскому», так же, как и все в его новом окружении, это не избавляет его от незнания массы подробностей, тонкостей и деталей «городского» поведения, и он по-прежнему сталкивается с этим незнанием на каждом шагу. Усвоение новых норм идет тягостным для него путем проб и ошибок, и во многих случаях опыт, который учит его, где находится общепринятая справедливая граница его возможных притязаний, приобретает им лишь в тех случаях, когда он пересекает незримую для него границу и встречается с отпором тех, чьи права он в данном случае нарушил. Чтобы выяснить, где находится граница, он поневоле должен нащупывать ее – он же ее не видит, – а для этого давить и напирать до тех пор, пока ему не укажут, что он уже залез на чужую территорию. Но таким образом, его поведение становится неотличимым от поведения *жлоба*, который точно теми же способами вынужден определять *свою жлобскую* границу притязаний, поскольку она не может быть установлена заранее без учета относительной силы сторон, участвующих в данной конкретной дележке.

Такое *вынужденное жлобство понаехавших* может затихать и уменьшаться до практически полного исчезновения по мере того, как *понаехавший* усваивает новые нормы и обретает уверенность в справедливости своего поведения и поведения противостоящих ему городских жителей. Он становится одним из горожан и перестает проявлять свои бывшие жлобскими манеры. Но не исключено, что став *жлобом* от безвыходности положения, человек привыкает к такой форме поведения и – возможно, незаметно для самого себя – переходит на позицию *патентованного жлоба*, каким он вовсе не был в своей родной деревне.

Закончив на этом свои разглагольствования на тему: кто такой *жлоб*, я надеюсь что, хотя бы до некоторой степени, убедил читающих в продуктивности предлагаемого толкования понятия *жлобство*. Оно, как мне кажется, не только позволяет достаточно четко отделить явного *жлоба* от прочих граждан (и даже заметить *жлобские* поползновения в себе и своих близких), но и естественным образом вбирает в себя другие распространенные толкования этого слова.

Читатель, вероятно, уже уверился, что я забыл про свое первоначальное намерение обсудить проблему взаимоотношений между *жлобом* и *интеллигентом* и целиком углубился в *жлобоведение*, оставив далеко за кормой выпавшего за борт *интеллигента* – который, как ни говори, является центральным предметом нашего интереса. Полностью не отрицая справедливости этого упрека, – хотя, согласитесь, *жлоб* и сам по себе довольно любопытный объект, – отговорюсь тем, что еще раз укажу на необходимость предварительного проникновения в глубинную сущность *жлоба* – без этого невозможно понять, почему соединение «жлоб – интеллигент» образует особо взрывоопасную гремучую смесь и как интеллигент должен вести себя, чтобы обезопасить и себя и жлоба от почти неминуемого взрыва, к которому ведет их общение.

Интуитивно ясно, что типичный интеллигент, столкнувшись со жлобом, частенько будет выходить из психологического поединка с ним с большими потерями. Я говорю о психологическом противоборстве, потому что случаи, в которых физически сильный жлоб лезет

⁴ Отчасти это так и есть, потому что всякий *патентованный жлоб* видит в *понаехавших*, которые не уверены в своих правах и сомневаются в определении справедливых границ, свою естественную кормовую базу – *грех такого лоха не ободрать*.

в драку и запугивает неспособного к эффективной обороне интеллигента, слишком очевидны, и на обсуждение их не стоит тратить времени. Если дело доходит до физического насилия, то будь ты интеллигент или простой человек, то противопоставить ему ты можешь только такую же физическую силу. Сможешь внушить жлобу, что способен постоять за себя и нанести напугавшему чувствительный ущерб, он, возможно, и отстанет от тебя, не получится это сделать — наверное, придется соглашаться на его требования. Апелляции к праву и справедливости, как мы уже выяснили, на жлобов не действуют (у них свои представления о справедливости), и исход стычки решает только конкретное соотношение сил. Извернуться в такой ситуации трудно.

Но в тех случаях, когда угрозы физическим насилием нет и жлоб оказывает лишь психологическое давление на соперника, дело обстоит не так просто. Средний интеллигент в кругу своих обычных контактов чаще сталкивается именно с такими проявлениями жлобства: угрозы *набить морду* он слышит относительно редко, а вот давление со стороны разнообразных лиц, желающих выжать и вымучить из него нечто ему законно принадлежащее и по справедливости входящее в состав его доли, — вещь довольно обычная. Конечно, заняв место начальника мехколонны или прораба на строительстве, интеллигентный человек поневоле быстро перестраивается, отодвигая в сторону свойственные ему манеры и навыки обращения с себе подобными, и через некоторое время может успешно отражать любые наскоки откровенных жлобов. Но в своем обычном круге общения интеллигенты не так уж часто имеют дело с очевидным жлобством. Жлобы здесь есть, как и везде, но действуют они не так открыто и грубо, как это, возможно, имеет место в других социальных слоях. Завуалированное, не использующее явных угроз жлобство ограничивает свое воздействие сферой психологии, но может быть не менее эффективным, нежели откровенное жлобство, строящее свой нажим на грубом запугивании и шантаже.

Считается, что типичный интеллигент отличается мягкостью характера, уступчивостью, деликатностью, отвращением к публичным скандалам, гуманным отношением к людям, и хотя эти свойства не являются прямым следствием его высокой интеллигентности (то есть его отношения к истине), а скорее есть результат воспитанности и привычки жить среди воспитанных людей, но всё же обладание таким сочетанием черт характера, несомненно коррелирует с высокой степенью интеллигентности. Уже одно перечисление такого перечня психологических характеристик делает всякого воспитанного человека особенно уязвимым для атак жлоба. Воспитание само по себе строится на не высказываемом предположении, что воспитанные люди не встречаются в своей жизни с жлобами или, по крайней мере, случайные встречи с ними не могут играть существенной роли в жизни воспитанных людей. Вращаясь, главным образом, в «приличном обществе», которое при столкновении с жлобом извергает его из себя как инородное тело, воспитанные люди подготавливаются к тому, что общаться они будут с такими же воспитанными нормальными людьми. И следовательно, их психологический «арсенал», их навыки общения рассчитаны на достаточно однородную среду, в которой жлобы практически не встречаются. Однако на практике такое воззрение на «приличное общество» оказывается чрезмерной идеализацией реальности — в жизни бывает по всякому. Конечно, с грубым откровенным жлобом, *прущим буром* и угрожающим *выколоть моргала*, воспитанный человек может встретиться разве что в темном переулке, а в коллективе публичной библиотеки, если кто-то из сотрудников рискнет прибегнуть к подобным методам нажима, то он, по-видимому, будет незамедлительно удален из штатов данного учреждения⁵. Но если жлоб не будет выходить за рамки внешне приличного поведения и акцентировать свою жлобскую сущность, то среда, в которой скапливаются образованные и воспитанные люди, дает ему дополнительный простор для эффективной манипуляции окружающими в свою пользу. Главное здесь — не перегибать палку, чтобы объекты жлобских атак не заподозрили тебя в сознательной

⁵ Правда, нельзя исключить, что такие утверждения несколько устарели, и, если верить старому анекдоту и некоторым — появляющимся уже в недавнее время — сообщениям в прессе, на более высоких этажах, в частности, в Министерстве культуры и близких ему по уровню учреждениях, стиль общения между сотрудниками заметно изменился. Но будем считать, что в большинстве библиотек до этого еще дело не дошло.

манипуляции их поведением. Действуя в этом самом «приличном обществе», жлоб и сам должен быть мягким и деликатным. При этом жлоб как бы и не пользуется в своем давлении собственной силой (точнее сказать, роль действующей на объект силы играет здесь его хитрость и умение распознать слабые места в душе соперника). Фактически, в таких случаях борьба, которую инициирует жлоб и которая должна принести ему некоторый выигрыш, идет не между людьми – борьба идет между различными побуждениями в душе того, кто подвергается натиску жлоба, а сам демон-искуситель стоит при этом в стороне и ожидает, что ему подадут желаемое на блюдечке, да еще и с низким поклоном. И если его расчет был верным, он свою законную жлобскую долю получит.

Чтобы наглядно представить подобную механику жлобства, рассмотрим ее на вымышленном примере. Для простоты возьмем случай, в котором главную роль играет жлоб женского пола. Я только прошу читательниц не считать выбор такого примера проявлением моего мужского шовинизма и мизогинии. Ничем похожим я не страдаю и, клянусь, не имею в виду никаких критических нападок на представительниц прекрасного пола. А что касается затрагиваемых в данном случае отношений между полами, то я полностью уверен, что количество особей с выраженными жлобскими наклонностями среди женщин всех возрастов и социальных групп несравнимо меньше, чем среди соответствующих мужских контингентов. Предполагаю, что такое проявление полового диморфизма объясняется влиянием подростковых компаний (с явной примесью приклатенных элементов) на воспитание мальчиков. Во всяком случае, откровенные патентованные жлобы – очень часто выходцы из таких компаний. Пример же с женщиной-жлобом, несмотря на его необычность и редкую встречаемость (ничего подобного слову *жлобиха* в языке даже не возникло), взят из-за его прозрачности и однозначности его толкования.

Предположим, что одна из библиотекарей обращается к своему коллеге мужского пола, собирающемуся уходить с работы, с просьбой: *Мишенька, я так опаздываю, не мог бы ты быстренько завезти меня в парикмахерскую, ту, что на Гоголя? В театр сегодня иду. – Просьба не так, чтобы уж сильно обременительная: если без пробок, за полчаса можно обернуться. Но с другой стороны, кто она мне такая, чтобы я возил ее по парикмахерским? Я и жену-то этим не балую. Но и отказать неловко: грубо получится, не галантно, –* думает про себя тот, кого называли «Мишенькой». – *Ладно, только давай по-быстрому. У меня еще дел куча.* Что можно сказать про описанную ситуацию? Внешне в ней нет ничего, прямо указывающего на жлобство: попавшая в затруднительное положение женщина попросила своего знакомого помочь ей, и он ей помог. Однако мы-то исходим из того, что мотивация и приемы у просившей жлобские. Правильно рассчитав и выбрав жертву, она получила то, что вряд ли досталось бы ей, если бы решения принимались на основе общепринятых норм. На чем мог быть построен расчет жлоба в подобном случае? В значительной мере на том, что воспитанному мужчине трудно отказать даме в прямо выраженной просьбе. С детства он твердо усвоил, что *мальчик девочке слуга* и что *желание дамы – закон для кавалера*. Это один из краеугольных камней европейского воспитания. Если бы просящая и «Мишенька» воспитывались в крестьянской среде, давить на эту «галантную» клавишу было бы бессмысленно, остатки вековой патриархальной традиции, сохраняющиеся по инерции в этом социальном слое, не приучают к галантности: *баба, – по этому старинному воззрению, – не совсем человек; и какие-такие могут быть у нее пожелания, обращенные к не родственному ей мужчине? еще чего!* Но объект воздействия в рассматриваемом случае – европейски воспитанный мужчина. Галантность и предупредительное отношение к противоположному полу – важная часть его представления о себе, поэтому нажатие на эту клавишу инициирует в его душе борьбу между желанием не нанести ущерба своему образу «я» и желанием уклониться от излишней повинности, которая не обусловлена общепринятыми нормами взаимоотношений среди людей, не связанных никакими особенными узами и просто знакомых по работе. Можно сказать, что стремление быть галантным слишком слабый мотив, чтобы с его помощью вить из человека веревки. Пусть так, и крупную рыбину на таком крючке не вытащишь. А с другой стороны, вспомним, как долго мучился не страдающий излишней воспитанностью герой «Аристократки» Зоценко, не решаясь остановить свою даму, *цопнувшую* очередное пирожное. Лишь непосредственная угроза финансового краха и неизбежного скандала заставила его

преодолеть свою благовоспитанность и вырваться в последний момент из ловушки незабываемым «Ложи взад!»⁶ Несколько похожее отношение к даме (усугубленное ее почтенным возрастом) лежит и в основе не менее знаменитого рассказа Чехова «Беззащитное существо». Вряд ли его герой чувствовал бы себя столь беспомощным и загнанным в угол, если бы он имел дело не с *женщиной слабой, беззащитной*, а с ее мужем, ведущим себя аналогичным жлобским образом⁷.

Ясно, что в основу жлобского косвенного напора может быть положено любое из человеческих побуждений, которые мы считаем благородными и свойственными всякому порядочному человеку, – и поскольку мы считаем себя «порядочными», «вежливыми», «воспитанными», желая сохранить такое мнение о себе и не потерять самоуважения, мы можем пойти на серьезные издержки, которые и составят законную долю жлоба, сумевшего инициировать желаемую борьбу чувств в нашей душе. Существует даже специальная «прикладная наука»⁸, представляющая собой систематизированный свод приемов (перечень специфических «клавиш» в человеческой душе), позволяющих вынудить ваш объект воздействия совершить некий поступок, который в обычных обстоятельствах противоречит его желаниям и который он не совершит по собственной инициативе. В значительной своей части «наука» эта – не что иное, как теоретическая подготовка начинающего жлоба, рвущегося перенять богатейший опыт своих заслуженных коллег.

Вся механика «психологического» жлобства строится на том, что любой воспитательный кодекс (мы говорили о европейском воспитании, но, по-видимому, нечто похожее можно сказать и о крестьянском кодексе вежливости, и о воспитании в других социальных слоях) предполагает, что воспитанный человек имеет дело с себе подобными – все прочие в общество воспитанных людей не допускаются, и общение с ними можно не принимать в расчет. Но как только это предположение не оправдывается, жлоб, проникший внутрь «приличного общества» (а скорее всего, он в нем и зародился, в качестве бракованного изделия воспитательной машины), получает возможность регулярно получать свой скромный доход, не облагаемый никакими налогами. Действительно, вернемся к нашим примерам: галантный принцип «желание дамы – закон для кавалера» не грозил бы кавалеру неприятностями, если бы все особи женского пола, с которыми ему приходится общаться, реально были бы «дамами» и, следовательно, руководствовались в своем поведении правилом, дополняющем принцип галантности и гласящим: «дама не может прямо выражать свои желания, которые способны обременить кавалера, она должна в таком случае дать ему понять, в чем состоит проблема, и дожидаться от него предложения помочь ей». Таким образом, заподозренная нами в жлобстве *дама* – дама только с виду, а на деле она ей не является, поскольку, пользуясь правами *дамы*, обязанности *дамы* она не выполняет. Она – инородное тело в обществе истинных дам и должна

⁶ В отличие от предыдущего примера, описанная в рассказе коллизия – не вымысел автора.

Николай Чуковский, близко знакомый с Зощенко в двадцатые годы, рассказал своему старшему товарищу, какая неприятная – и даже жутковатая – история приключилась с ним при посещении с подружкой некоего увеселительного заведения. Зощенко безжалостно использовал этот случай в качестве сюжета для своего ставшего знаменитым рассказа. Вспоминая через много лет зощенковское чтение «Аристократки» на собрании «Серапионовых братьев», Чуковский уверяет, что он вместе со всеми смеялся и даже «был рад, что хоть так попал в литературу». (Чуковский Н. Салон Наппельбаумов // Чуковский Н. Литературные воспоминания. М.: Советский писатель, 1989). Учитывая, как описаны в рассказе действующие лица и, особенно, героиня, в такую благодушную реакцию героя-слушателя трудно поверить. Вероятно, вспоминая эти события, рассказчик невольно приписывает себе (тогдашнему молодому человеку) чувства, которые вызывают у него воспоминания о давно прошедших юных годах.

⁷ Особенно впечатляет в этом рассказе последняя фраза просительницы:

«Щукина завернула в платочек деньги, спрятала и, сморщив лицо в сладкую, деликатную, даже кокетливую улыбочку, спросила:

– Ваше превосходительство, а нельзя ли моему мужу опять поступить на место?»

(Чехов А.П. Беззащитное существо // Чехов А.П. ПСС в тридцати томах. Т. 6. М.: Наука, 1985, с. 87-91).

Налицо классическое описание *жлобства*.

⁸ В данном случае я имею в виду так называемое *нейро-лингвистическое программирование (НЛП)*, но, конечно, подобная подготовка к практике жлобства существует в бесчисленных вариантах и, судя по обилию в продаже «методических пособий», пользуется большой популярностью.

быть из этого общества незамедлительно исторгнута. Если этого не происходит, и общество не следит бдительно за чистотой своих рядов, дни такого общества сочтены – оно неизбежно будет разрушено теми, кто, не желая быть объектом эксплуатации со стороны жлобов, отказывается от выполнения элементарных правил вежливости (и подобных им правил), а при дальнейшей эволюции в этом направлении и сам становится жлобом. Жлобы, которых общество по какой-то причине вынуждено терпеть, неизбежно приведут это общество к печальному концу – либо правила обязательны для всех, либо они перестают быть правилами.

Пока что всё, что говорилось, относилось к воспитанным людям и их уязвимости по отношению к жлобам. К интеллигентам это можно применить лишь потому, что большинство интеллигентов одновременно относится и к категории воспитанных людей. Но во взаимоотношениях воспитанного интеллигентного человека со встреченным им на жизненной дороге жлобом можно заметить, как мне кажется, еще один специфический аспект, который заслуживает особого обсуждения. Должен сознаться, что здесь я вступаю на зыбкую почву догадок и предположений, в подтверждение которых я не располагаю серьезными доводами и доказательствами, однако неожиданный поворот темы, связанный с этими предположениями, оправдывает отсутствие убедительных аргументов в их защиту – на мой взгляд, даже будучи бездоказательным, такое предположение представляет некоторый интерес.

Я рискую предположить, что *интеллигент*, которого во множестве отношений следует рассматривать как антипод *жлобу* (тут, по-видимому, Д.Лихачев совершенно прав), тем не менее в одном отношении имеет с ним определенное сходство. Речь идет об отношении к общепринятым нормам и справедливым границам, определяющим поведение людей в общении между собой. С одной стороны, как и всякий *нормальный* человек, *интеллигент* имеет в своем сознании нормы, принятые в том обществе, в котором он вырос и живет, и старается неуклонно следовать им в повседневном поведении. Более того, можно ожидать, что *как интеллигент*, осознающий себя бескорыстным адептом и глашатаем правды и истины, и *как воспитанный человек*, стремящийся во всем соответствовать идеалам *порядочности*, он будет даже в большей степени щепетилен и скрупулезен в соблюдении общепринятых и признаваемых им норм, чем средний *простой*⁹ *нормальный* человек. И с этой точки зрения, нет оснований подозревать его в склонности к жлобству¹⁰ – такое подозрение было бы воспринято человеком, считающим себя истинным интеллигентом, как нестерпимое оскорбление. Но с другой стороны... Определенное сходство интеллигента со жлобом может быть усмотрено в том, что и тот, и другой относятся к господствующим в обществе представлениям о норме иначе, нежели относятся к ним *простой нормальный* член общества.

Простой нормальный человек существует в сетке усвоенных им норм и не ломает голову над тем, почему они таковы и могли ли быть другими. Размышления и споры по поводу того, правильны ли наши нормы и не лучше ли нам иметь другие, абсолютно бессмысленны, поскольку даже если мы с вами придем к выводу, что та или иная норма неверна¹¹, и ее надо

⁹ Здесь, наверное, следует разъяснить тем, кто не читал мой трактат «Почему начальники не любят интеллигентов?» смысл термина *простой*, введенный в этом трактате и принятый в данном тексте. *Простой человек* относится к *истине* как к инструменту для достижения определенных целей, для него *истина* лишь то, что приносит пользу. В этом его отличие от *интеллигентного человека*, который видит в любой *истине* самостоятельную ценность, и относится к ней бескорыстно, вне зависимости от того, полезна она или бесполезна в данном конкретном случае.

¹⁰ С теоретической точки зрения, было бы чрезвычайно интересно разобраться с вопросом: может ли жлоб быть интеллигентом, а интеллигент явным жлобом? Понятно, что если такие субъекты и существуют, то встречаются они крайне редко. Но вопрос в том: возможно ли их существование теоретически или же в понятиях *жлоб* и *интеллигент* заложена их *логическая* несовместимость? Я склоняюсь к мысли, что такой несовместимости нет и что *интеллигентность* не гарантирует отсутствия каких-либо проявлений *жлобства* в человеке, однако отказываюсь от детального обсуждения данного вопроса, поскольку чувствую, что эта задача превышает мои способности к анализу.

¹¹ Я и сам плохо понимаю, что я, собственно, сказал. Что значит: норма *неверна*? Чему она должна быть верна? И как мы можем установить степень ее верности (соответствия?) этому неопределенному в наших рассуждениях *чему-то*? Уже на первом своем шаге мы сталкиваемся с трудностью рассуждений в этой сфере. Вопрос о норме оказывается чрезвычайно запутанным, и я не удивлюсь, если в попытках его

изменить, наш вывод останется лишь нашим мнением о норме, а саму норму это изменить не может. Пусть я пришел к выводу, что старики не заслуживают никакого особенного уважения (а за что, собственно говоря?), но если я не уступлю дорогу старику или плюхнусь перед его носом на единственное свободное место в троллейбусе, то несмотря на то, что я сделал это, исходя из принципиальных соображений, мой поступок будет оценен окружающими, как проявление свинства, да и сам я не смогу отрицать, что в данном случае повел себя по-свински, – то есть из принципа повел себя по-свински. Ни оценки окружающих, ни наши внутренние оценки не могут быть изменены в соответствии с нашим мнением о конкретной норме – она либо является частью нашей личности (впаяна в нашу конструкцию), либо нет, и размышлять о ней нет ни малейшего смысла. А потому нормальный простой человек и не будет морочить себе голову такими бесплодными схоластическими умствованиями – никакой пользы от них не будет.

Интеллигентный же человек, даже согласившись со всем вышесказанным, не может отбросить размышления о норме и ее обосновании ввиду их очевидной бесполезности – ведь вся его жизнь протекает в постоянном общении с истинами, от большей части которых ожидать конкретной сегодняшней пользы не приходится. Кроме того, к продолжению умствований на эту тему его подталкивает интеллигентная привычка к рефлексии и к тому, что раньше брезгливо называли *интеллигентским самокопанием*. У интеллигента предметом пристального внимания и анализа может стать – и частенько становится – любое движение его собственной души: любая мысль, ощущение, даже мимолетный импульс. *Почему я таков, каков я есть, и мог ли я быть другим? Или будучи другим, это был бы уже не «я»? Что это вообще значит: «я» – «не-я»? И почему я раньше так любил ириски, а сейчас к ним абсолютно равнодушен?* Ни один интеллигент, оставаясь интеллигентом, не может совсем избежать размышлений на подобные темы. И естественным образом он не может не заинтересоваться всеобъемлющей системой норм, которые определяют его оценки и поведение и которые, можно сказать, образуют костяк его наличного «я». На пути размышлений о норме мысль интеллигента, даже не достигнув фундаментальных результатов (их трудно ожидать вследствие сложности проблемы и существования колоссальной многовековой традиции размышлений на эту тему), неминуемо приходит к выводу о культурной обусловленности норм поведения. То, что мы считаем нормой, не обязательно совпадает с тем, что считают или считали нормой люди других эпох, других культур, других социальных групп, рас, религий и т.п. Даже внутри одной культуры возможны индивидуальные отличия в определении границ нормы, связанные с особенностями воспитания, характером, возрастом, происхождением, местом рождения и другими деталями, отличающими нас друг от друга. Например, мы уже касались половых различий в нормах поведения, но существует и множество других факторов, которые остаются для нас не замеченными. Ясно осознав возможность значительных колебаний в определении нормы, интеллигент должен учитывать этот факт в общении с другими людьми: мы не можем, как это свойственно *простому* человеку, не тратящему время на размышления над всякой ерундой, чрезмерно полагаться на единство норм в сознании всех встречаемых нами людей. Возможно, тот, с кем мне приходится иметь дело, будучи *по-своему нормальным*, проводит границу нормы не там, где провожу ее я – тоже *по-своему нормальный* человек. Таким образом, можно предположить, что интеллигент в своем поведении склонен считаться с условностью общепринятой нормы и исходит из того, что в каждом конкретном случае общения граница *нормального* и *ненормального* должна быть установлена (или, по крайней мере, уточнена), ввиду ее исходной зыбкости и неопределенности.

Если данное предположение не лишено оснований и мы находим его правдоподобным, то отсюда следует вывод: в противоположность позиции *простого нормального* человека, не сомневающегося в том, что граница нормы проходит именно там, где он ее ощущает, позиции *интеллигента* и *жлоба*, будучи по сути диаметрально противоположными, тем не менее сходятся в том, что и тот, и другой – каждый по своей особенной причине – рассматривают эту границу, как еще не до конца определенную: она должна быть определена в данном конкретном акте взаимодействия и уточнения притязаний сторон.

Очевидно, что процесс уточнения границы понимается *интеллигентом* и *жлобом* абсолютно не схоже. *Жлоб*, как мы знаем, начнет с того, что несколько заступит за общепринятую границу и будет напирать до того момента, когда почувствует нестигаемое упорство противника. Интеллигент же, будучи *воспитанным* и ценя в себе свою воспитанность, и поведет себя так, как положено порядочному человеку. А как ведут себя воспитанные люди? Классическим примером благовоспитанности всегда служила и продолжает служить юмористическая сценка из «Мертвых душ»: Чичиков и Манилов останавливаются перед дверью и долго перепираются, кому из них должно первым переступить порог, демонстрируя друг другу (и, что очень важно, самим себе) свою несомненную воспитанность. Поведенческая тактика воспитанного человека обрисована здесь с позиции внешнего наблюдателя, а потому выглядит смешной и манерно-напыщенной, но суть ее выражена исчерпывающим образом.

Словами эту тактику можно приблизительно описать так: воспитанный человек, определяя свою меру притязаний, опасается не столько небольшого урона, который может возникнуть вследствие преуменьшения этой меры, сколько ситуации прямого столкновения притязаний противоположных сторон. Поэтому воспитанный начинает взаимодействие с того, что он отступает на шаг назад от общепринятой границы и дает возможность партнеру самому определить точное местонахождение границы. Тот, будучи не менее воспитанным, разыгрывает тот же дебют, после чего они начинают взаимно подталкивать друг друга к истинной границе (известной обоим, как общепринятая норма), и дело кончается неким компромиссом, расположенным недалеко от положения реальной нормы. Даже если один из участников такой борьбы воспитанностей, получает в конечном итоге чуть меньше, чем положено ему по справедливости, этот небольшой урон с лихвой возмещается сознанием, что он при этом оказался победителем в необъявленном состязании на воспитанность – а это, большей частью, оказывается гораздо более важным, чем та пустяковая уступка сопернику, которой он расплатился за свою победу. Другим наглядным примером, иллюстрирующим тактику воспитанных субъектов, может служить одинокое пирожное (или мандарин), оставшееся на блюде после того, как основную массу их разобрали сидящие за столом. Его одиночество показывает, что, скорее всего, предложение пирожных в данном случае оказалось несколько меньше запроса на них – все пирожные разобрали, однако последнее никто не берет. Объяснение такого феномена до очевидного просто. Если бы за столом присутствовали *нормальные* и не придающие большого значения своему утонченному воспитанию гости, то один из них, прикинув размеры своей справедливой доли и выяснив, что он еще не выбрал ее до конца, без долгих раздумий взял бы себе оставшееся пирожное. Если среди гостей затесался бы *жлоб*, он, конечно, забрал бы пирожное, в качестве своей законной (по *жлобской* справедливости) добычи. Если же нормальные (и не воспитанные) уже получили свою долю или таких за столом вовсе нет, и все собравшиеся – *воспитанные люди*, то пирожное долго будет лежать на блюде и, возможно, так и не будет востребовано (к радости хозяйских детей, которые поделят его между собой после ухода гостей). У воспитанных желание взять пирожное, даже если оно является частью твоей доли и принадлежит тебе по справедливости, натывается на опасения, что попытка забрать этот – фактически твой – кусок, может привести к конфузу и неприятной неловкости, в случае если твоя рука столкнется над блюдом с рукой другого, также пришедшего к решению забрать оставшееся невостребованным пирожное. Подобного рода опасения и сдерживают активность собравшихся за столом воспитанных людей.

Вернемся в очередной раз к *интеллигенту*, беспрестанно оттесняемому разными обстоятельствами с поля нашего ясного внимания, – будучи скромным и ни в коей мере не настырным, он опять терпеливо ждал, пока мы разделаемся с тактикой поведения таких же, как он, воспитанных людей. Теперь, разобравшись с этим, мы можем обсудить и специфически интеллигентскую тактику общения. Как и положено *воспитанному*, интеллигент начинает процесс с отступления назад от предполагаемой нормы, но в отличие от *простого воспитанного* он пугается не с той границы, которая соответствует его норме (мы уже решили, что в стандартных случаях его норма не отличается от общепринятой), а с некой расположенной глубоко в тылу его законной территории границы, которая, как он предполагает, может оказаться справедливой границей для его партнера по взаимодействию. Таким образом, интеллигент с самого начала соглашается на раздел, который посчитает справедливым его

визави. Можно посчитать, что такая «соглашательская» тактика свидетельствует об очевидной и даже чрезмерной глупости того, кого я здесь называю интеллигентом. Пусть он и *интеллигент* в своем бескорыстном отношении к истине, но с умственными способностями дела у него обстоят неважно: он ведет себя даже не как простак, а как ничего не смыслящий дурачок, не понимающий, в чем состоит его польза. Зачем же уступать другому то, что полагается тебе по праву, даже не успев еще выяснить, притязает ли другой на эту часть? Нет, он – откровенный дурачок.

На первый взгляд, такое резюме логично вытекает из описываемой ситуации, но согласиться с ним я никак не могу. Не пытаюсь оценивать житейский ум *интеллигента* (мы давно решили, что среди его собратьев есть всякие: от явных дурачков до гигантов проницательности и опытейших гешефтмахеров), будем иметь в виду только среднюю эффективность интеллигентской тактики. По-моему, следует признать, что ее способность достигать целей, по крайней мере, не уступает эффективности тактик, выбираемых *неинтеллигентами*. На самом деле, никакого особенного риска способ поведения интеллигента, вступающего в контакт с *нормальными* людьми (включая и *нормальных воспитанных*), с собой не приносит: *нормальный* человек будет держаться известной ему границы, и, в конечном итоге, путем взаимного подталкивания к ней стороны сойдутся на такой – общей им обоим – справедливой границе. Никаких особенных потерь при таких – *нормальных* – случаях общения интеллигент понести не должен. Собственно говоря, чем отличается интеллигентская тактика от тактики *простых воспитанных* людей? Только тем, что интеллигент включает в свой прогноз один дополнительный фактор: он заранее предполагает возможность столкновения с присущими разным людям отличиями в индивидуальных нормах. Проигрывает ли он от осознанного учета этого обстоятельства? Не думаю, так как не вижу причины по которой он должен заведомо проигрывать. Если он сталкивается с человеком, чья норма совпадает с его нормой, он получает то, что ему положено по норме. Если же он сталкивается с нормой, расположенной – как он считает – на его территории, но готов уступить и заранее обозначает предел уступки, то, конечно, он получит меньше, чем это следует по его норме, но разве не с тем же столкнется любой, чья норма войдет в противоречие с нормой соперника? Интеллигент он или не интеллигент, уступит ли он заранее или решит уступить после того, как выяснится наличие противоречия, но, в конечном итоге, противоречие либо приведет к уступке, либо «сделка не состоится», и решить проблему может только применение силы. Множество наших взаимоотношений с людьми держатся лишь на взаимных уступках и компромиссах: столкновение, в котором противостоят две различные нормы и в котором никто не хочет признать норму противостоящего в качестве справедливой, должно привести к прекращению общения, но если этот вариант не устраивает стороны, они будут искать некоторое состояние равновесия и путем «перетягивания каната» придут в позицию, в которой каждый чувствует несправедливое поправление своего законного права, но терпит несправедливость, чтобы не потерять возможность продолжения взаимодействия. Разве не таким «перетягиванием каната» занимается большинство молодоженов, которые, используя различные средства воздействия – от ласки до скандала, – пытаются заставить супруга пойти на уступки, делающие совместную жизнь приемлемой для обеих сторон? Если это им не удастся, брак распадается. Но во многих случаях ценность совместной жизни оказывается для супругов важнее, чем урон от уступок, на которые им пришлось пойти ради сохранения брака, и они смогут прожить всю жизнь вместе, хотя, возможно, до конца дней они будут придерживаться своих исходных норм, которыми им приходится поступаться ради более высокой цели. Получается, что интеллигент отличается от всех прочих *нормальных* лишь тем, что сразу обозначает меру уступок, на которые он готов пойти ради сохранения общения. Если он несколько и ослабляет свою исходную позицию, то зато он гарантирует себе отсутствие скандалов и силовых методов достижения компромисса, которые настолько для него неприемлемы, что он готов расплатиться дополнительной уступкой за их отсутствие.

Не рискуя чрезмерными потерями при встречах с *нормальными* людьми, интеллигент оказывается особенно уязвимым, сталкиваясь со жлобом. Даже если сравнить его с прочими *нормальными*, которым также приходится платить определенную дань жлобам, то мы должны признать позицию интеллигента наихудшей из возможных при жлобской атаке. Столкновение с

типичным интеллигентом должно приносить жлобу неожиданную радость: соперник не только не сопротивляется напору жлоба, но по собственной инициативе значительно отступает вглубь своей законной территории, оставляя жлобу ту долю, которую он только еще намеревался выжать из противника. Да и по размерам величина даром достающейся жлобу доли оказывается, как правило, больше, чем он мог рассчитывать, имея перед собой воспитанного соперника и не пытаясь пустить в ход угрозы физическим насилием (я здесь продолжаю говорить лишь о жлобах, применяющих только психологическое давление). Если бы интеллигент не придерживался типичной для него тактики, его потери были бы, вероятно, меньше, но его стиль поведения не рассчитан на встречу с жлобом.

Однако и жлоб не должен слишком радоваться встрече с интеллигентом. Ничто в этой жизни не дается совсем даром – почти за всё приходится расплачиваться. Даже жлобам. И в данном случае интеллигент не только может принести жлобу дополнительный доход, но и оказывается более рискованным объектом для жлобской атаки, нежели простой воспитанный человек. Суть дополнительного риска для жлоба заключается, как мне кажется, в том, что результатом невыгодной для интеллигента сделки со жлобом оказывается неравновесное состояние, способное при изменении обстоятельств разрешиться взрывным образом.

Чтобы я мог пояснить свое предположение, вернемся на миг к нашему примеру с «Мишенькой», согласившемуся выполнить пожелание совершенно чуждой ему женщины. Его согласие было результатом борьбы двух побуждений в его собственной душе: как ни претило ему тащиться неведомо куда, но это чувство было уравновешено желанием сохранить представление о себе, как о вежливом, галантном человеке. Если бы такое желание оказалось недостаточным, чтобы уравновесить противоположное побуждение, он бы отказался от поездки. И после завершения сделки¹² у него нет особых причин для недовольства: он ни в чем не был введен в заблуждение и выбрал то решение, которое посчитал наиболее приемлемым в данных обстоятельствах. В аналогичном следующем случае он может принять такое же решение, а может и отказать в просьбе, посчитав, что это слишком затруднительно и не компенсируется удовольствием почувствовать себя несгибаемо вежливым. Но не так обстоит дело с результатом жлобской атаки на интеллигента. Конечно, в момент, когда интеллигент соглашается на уступку (на уменьшение своей доли, по сравнению с его нормой), величина уступки представляет собой равновесный результат между нежеланием терпеть урон от несправедливого раздела и желанием сохранить отношения, не доводя дело до разрыва с партнером и до силового выяснения условий возможного компромисса. Уступка интеллигента, по его мнению, вынуждена тем, что партнер, имеющий иное представление о норме, не согласится с той несправедливой, как ему кажется, границей, которая обусловлена привычной для интеллигента нормой. Таким образом, равновесие в душе интеллигента обусловлено его заблуждением в оценке партнера и присущей ему индивидуальной нормы. Но это значит, что когда ошибка выйдет на явь и интеллигент поймет, что его жертва была принесена не представлению партнера о норме (с которым он ничего поделать не может и которое приходится принимать как данность), а его не считающемуся ни с какой нормой непомерному аппетиту, существовавшее до той поры равновесие внезапно и резко нарушится, и отношения между бывшими партнерами (как считал интеллигент) превратятся в отношения обманщика и обманутого. Несомненно, такой взрывной характер смены партнерства на вражду может быть рискованным для жлоба, и вся его предыдущая выгода может одномоментно обратиться в серьезный проигрыш или даже полный крах.

В качестве иллюстрации к высказанным выше предположениям о «типично интеллигентской тактике» и об особой взрывчатости отношения «жлоб – интеллигент» я хочу привести определенные сюжетные моменты фильма Георгия Данелии «Осенний марафон». Вероятно, его можно считать лучшим фильмом Данелии, хотя и без него многие созданные этим режиссером широко известные фильмы обеспечили бы ему одно из самых видных мест в советском кино

¹² Стоит, наверное, еще раз подчеркнуть, что сделка происходит между противоположными побуждениями в одном и том же человеке, а выгоду от этой сделки получает не участвовавшее в ней лицо, лишь инициировавшее борьбу мотивов в субъекте.

послевоенных лет. И все же я считаю, что именно этот киношедевр – вершина его многолетней работы в кино, и он достойно смотрится даже на фоне самых замечательных фильмов, признанных высочайшими достижениями мирового киноискусства. На этом уровне уже не имеет смысла говорить о каких-то рангах, и как нельзя сказать, что Толстой превосходит и затмевает Чехова или Бунина, так и фильм Данелии не выше и не ниже фильмов Тарковского, раннего Иоселиани или Киры Муратовой (если брать примеры из советского кино), но он, по моему мнению, из этого славного ряда, который (разумеется, не исчерпывающийся приведенными примерами) и представляет собой настоящее кино – то, которое дает истинное представление о возможностях этого вида искусства. Однако появление «Осеннего марафона» в данном контексте объясняется, конечно, не высочайшими художественными достоинствами этого фильма, а тем – крайне удачным для меня – обстоятельством, что, представляя жизнь как она есть и как она видится художнику, фильм одновременно иллюстрирует – с разных сторон и в деталях – мои рассуждения об интеллигентах и свойственных им поступках¹³. По крайней мере, возникающие на экране герои и события могут, как мне кажется, быть истолкованы в этом духе.

Я надеюсь, что читатели видели «Осенний марафон» и помнят основных его героев, но для тех – в основном, видимо, молодых – читателей, кто фильма не видел¹⁴, мне придется своими беспомощными словами пересказать кое-какие необходимые для понимания текста эпизоды.

Главный герой фильма (его играет Олег Басилашвили) – рафинированный интеллигент, и его поведение, его реакции на происходящие события можно использовать в качестве художественного эквивалента реальных встречаемых нами в жизни представителей этой породы, редко доступной для наблюдения в быту. Можно, конечно, трактовать его как советского интеллигента, а весь фильм как сатирическое изображение нашей жизни тех лет. И частично, это, по-видимому, верно: создатели фильма во главе с Данелией довольно безжалостно, ярко и смешно изображали те обстоятельства советской жизни, в которых приходилось жить и перебиваться с хлеба на квас как героям фильма, так и большинству его тогдашних зрителей. Но советская жизнь – это лишь один из вариантов жизни вообще, и именно о жизни как таковой (пусть на этот раз в советских декорациях) идет речь в фильме. В центре внимания режиссера отношения героя с другими персонажами фильма, причем все варианты взаимоотношений в определенном смысле однотипны: все, с кем общается герой в рамках сюжета, – и любимая жена; и другая женщина, которую герой любит не меньше жены и с которой у него очень близкие и, видимо, давние отношения; и приезжий датчанин-профессор, коллега героя; и еще одна женщина, которую подругой героя не назовешь, но которая когда-то училась вместе с ним, и он по старой памяти продолжает помогать ей, чем может; и работага-сосед (запоминающийся колоритный персонаж, которого сыграл Евгений Леонов), чей главный интерес в жизни – посидеть в хорошей компании и с чувством распить бутылку-другую, – все эти – столь разные, на первый взгляд, – люди чего-то требуют от героя, вынуждают его что-то делать, что-то решать, о чем-то заботиться, навязывают ему, можно сказать, свой стиль жизни, свои мнения и свои решения неких, касающихся героя проблем, а он, как это ни удивительно и даже прискорбно, не противостоит этим чужим требованиям, всем старается, по возможности, уступать, не пытается отстаивать свою свободу, почти ни в чем не противоречит наседающим на него со всех сторон, и лишь без особого успеха старается как-то согласовать и смягчить противоречивые требования разных лиц, которые невозможно выполнить одновременно. В моем, несколько сумбурном, изложении герой предстает как *типичный буржуазный интеллигент* в изображении зачинателей и классиков соцреализма: безвольный, мягкотелый

¹³ Фильм этот, снятый по сценарию Александра Володина и вышедший на экран в 1979 году, запомнился мне сразу и навсегда, хотя, конечно, за прошедшие годы я позабыл многие его детали. Не исключая, что неосознанно я мог быть подготовлен к данным выводам под влиянием виденного мною когда-то и поразившего меня фильма, хотя вспомнил про «Осенний марафон» я лишь задним числом, когда мои рассуждения подходили к концу.

¹⁴ Конечно, фильм надо обязательно посмотреть всякому, кто любит кино. И если приведенные здесь рассуждения никого и ни в чем не убедят, но некоторые из читателей, заинтересовавшись, посмотрят фильм Данелии, я буду всё же считать, что труды мои не пропали совсем напрасно. Да и адекватно воспринятый фильм расскажет зрителю об интеллигентах гораздо больше, чем все мои соображения вместе взятые.

(если не сказать прямо: слизняк); легко поддающийся под чужое (а значит, и под чуждое) влияние; не способный противостоять окружению и, следовательно, выдерживать свою линию; соглашатель, для которого тишь да гладь и мир во взаимоотношениях важнее любых принципов; вследствие своей беспринципности и соглашательства зашедший в тупик и беспомощно барахтающийся в путанице жизненных обстоятельств, в значительной степени проистекающих из его же мягкотелости. Такой вот малопрятный, несмотря на всю свою мягкость, деликатность и отзывчивость, тип, которого героиня (а может быть, и обе героини) должна отвергнуть, предпочтя ему *самостоятельного, решительного и твердого как сталь рабочего-большевика*. Однако все эти характеристики героя, которые можно было бы считать извлеченными из моего описания фильма, оказываются полной ерундой. Ничего подобного в фильме нет.

Истинный герой фильма не имеет ничего общего с тем слабаком, подкаблучником и размазней, обобщенный образ которого я попытался реконструировать на основании нескольких – действительно присутствующих в фильме – фактических подробностей. Но это лишь бледная и грубо искаженная схема того живого и художественно убедительного героя, которого зритель может видеть на экране. Я не исключаю, что кто-то из смотревших фильм воспринял героя в согласии с подобной схемой, но это – лишь абсолютно неадекватная *интерпретация* показанного, противоречащая реальному содержанию фильма. Не сомневаюсь, что подавляющее большинство зрителей не согласится с такой интерпретацией просто потому, что они видели на экране совсем другого героя.

Герой этот, правда, не похож на антипода *мягкотелого интеллигента* – решительного, твердо знающего свою цель, не уклоняющегося от трудностей и при необходимости готового, по словам Вавилова, «пойти на костер». Трудно сказать, насколько он отважен и решителен в критических ситуациях, но в фильме он ничего подобного не демонстрирует. Вне всякого сомнения, он обыденный человек со своими достоинствами и слабостями, из всех сил старающийся справиться с тем ворохом проблем и забот, которые обрушивают на него создатели фильма. Нельзя сказать, что ему удастся достичь больших успехов в этой жизненной круговерти. Пытаясь решить одну проблему, он запутывается в другой, выкручивается, изворачивается, вынужденно врет, чтобы избежать упреков и грозящего разрывом выяснения отношений, нередко выглядит при этом нелепым и жалким – и всё это, по-видимому, не то что бы напрасно, но не ведет ни к какому разрешению и не обещает, что, пробившись через все невзгоды, герой «широкую, ясную грудь дорогу проложит себе». В последних кадрах фильма он продолжает свой изматывающий марафон, с которого фильм и начинался. Никого он не победил, и даже непонятно, с кем он боролся. Так что он – *лишь герой фильма*, но в своей жизни на экране ничего героического он не совершает. Это вовсе не его амплуа, да и изображаемая жизнь не предоставляет ему ситуации, в которой он мог бы показать себя героем.

Но, не претендуя на героизм, персонаж, представленный нам в этих «сценах из жизни интеллигента», нигде не выглядит слабаком, уклоняющимся от трудностей, чуть что поднимающим лапки кверху и сдающимся на милость победителю. В подавляющем большинстве эпизодов возникает ощущение, что его поведение адекватно ситуации и что он делает всё, что в его силах, чтобы изменить ситуацию в лучшую сторону. Почти нигде у зрителя не возникает желание упрекнуть героя: *Ну что ты мямлишь, трусишь и жмешься? Будь же мужчиной! Сделай, наконец, это!* Потому что зритель сам не видит *этого* – того, что могло бы разрешить проблему. Как ни печальны обстоятельства, из которых не может выпутаться герой, но зритель чувствует, что, попади он сам в подобную ситуацию, ничего кроме мямлить, трусить и пытаться как-то замазать остроту проблемы он бы не сумел, и никакого достойного *настоящего мужчины* решения у него (зрителя) наготове нет. Хорошо бы, конечно, сделать что-то такое решительное, как Д'Артаньян или Капитан Немо! Но те приемы и способы, которыми такие герои выходили из затруднительных положений, здесь абсолютно не к месту. А ничего другого, пригодного для снятия проблемы в данной ситуации придумать не удастся. И потому зритель ясно ощущает, что называть героя слабым и пасующим перед трудностями жизни нет ни малейших оснований, – он не слабее (хотя, может, и не сильнее), чем мы с вами, упорно не желающие чувствовать себя мягкотелыми слизнями, и борется за свое – не выламывающееся

из ряда – достоинство и счастье так же, как и большинство известных нам в жизни людей. Было бы странно укорять его за то, что он не справляется с задачами, которым мы и сами не знаем решения, и смотреть на него за это сверху вниз. Он несколько не хуже тех, кого мы знаем (включая сюда и самих себя), а, пожалуй, даже и лучше – далеко не всегда мы, живущие в тех же обстоятельствах, что и герой фильма, выглядим столь симпатичными и достойными уважения, как тот, чьи поступки мы взяли обсуждать.

Но если мы не соглашаемся признавать его *мякотелым слизняком*, из-за слабости характера которого страдают две хорошие женщины (и, вероятно, другие, не показанные нам люди), то как можно объяснить его феноменальную уступчивость и почти полную неспособность противостоять требованиям, с которыми он вовсе не обязан соглашаться? Ведь именно на этом факте строится миф о его человеческой слабости и безволии. Здесь я предлагаю вспомнить высказанные ранее предположения о специфической *интеллигентской тактике поведения* – как раз ради ее иллюстрации я и обратился к фильму Даниели. Каждый из персонажей «Осеннего марафона», вступающий в определенные отношения с героем, имеет свои представления о том, что правильно и что неправильно, свою норму справедливого разрешения спорных проблем, свои – большей частью вполне достойные – планы и стремления. У каждого своя правда, которую он, субъект, желает видеть воплощенной в жизнь, – *жить надо по правде*, вы же не будете с этим спорить? Точно такая же *своя правда* руководит и поведением нашего героя-интеллигента¹⁵, в этом он не отличается от других и так же, как они, старается воплотить ее в жизнь и руководствуется ею в своих поступках. Отличие же между героем и окружающими в том, что он, принимая любое решение, учитывает *их правду* (возможно, вовсе не принимая ее за *истинную правду* – это *их правда*, а не его), в то время как они все и каждый по отдельности видят только *свою правду* и требуют для себя справедливости по норме, обусловленной *их правдой*. Права ли жена героя в своих требованиях? – права на сто процентов, и герой не может отказать ей в правоте. Права ли подруга, уже теряющая терпение в ожидании справедливости для нее? – конечно, права – она этого, безусловно, достойна – как можно отказать любящей женщине в праве на простое женское счастье со своим избранником? – герой просто вынужден, будучи справедливым человеком, признавать ее законное право.

Но оставим в стороне любовные отношения героя – тема эта сложная, допускающая множество разнообразных толкований и мнений, – обратимся к ясному и наглядному примеру, привлекающему своей однозначностью. Что может герой противопоставить *правде соседа*, провозглашающего незабываемую максиму: *Тостуемый пьет до дна!* – и принуждающего тем самым датчанина, который не хочет пить водку, выполнить сей завет? Хотя он и решительно не согласен с соседским призывом и *его правда* не позволяет пить водку с утра, тем более когда есть срочная работа, но может ли он рассчитывать, что ему удастся переубедить соседа и заставить его признать свою неправоту? Уже само такое предположение выглядит абсурдным. Исповедуемое соседом правило незыблемо, поскольку верно для всех эпох и для всех живущих на земле, тот, кто ему не следует, грубо нарушает правила приличия и не может рассматриваться как порядочный человек. *Записано на скрижалях: Не убий!* – вот и не убивай, завещано предками: *Пей до дна!* – вот и пей. Ты не знал о таком завете? – очень странно! что это за Дания такая, где об этом не известно? – но теперь-то ты уже знаешь! Никакие увертки здесь не возможны: взял в руку стакан и выслушал тост в свою честь – будь добр, води себя, как полагается воспитанному и благородному человеку. Сосед ведь действительно не на шутку обидится, если зарубежный профессор не допьет свой стакан, он воспримет это как оскорбление в свой адрес – отказавшийся допить прямо выказывает свое неуважение к провозгласившему тост: так запечатлено в *соседской норме* взаимоотношений между собутыльниками и никакими путями это правило отсюда не вытравить. Так стоит ли жестоко обижать ни в чем не повинного соседа (ну да, он – дикий человек, но разве это его вина?) и ссориться с ним – ведь он, в целом, вполне достойный человек, беззлобный, по своему щедрый, дружески расположенный к герою и его зарубежному гостю, за что же его обижать? Рассуждая

¹⁵ Я не хочу сказать, что он единственный интеллигент, изображенный в фильме. Вполне вероятно, что и датский профессор, и жена героя, и его любимая подруга обладают высокой степенью интеллигентности, но на экране это не показывается, и их *интеллигентность/неинтеллигентность* оказывается вне фокуса.

так, мы приходим к выводу, что герой, принужденный хлопнуть с утра стакан водки, в данном случае совершенно прав: у него не было другого выхода, как уступить соседу. Выбор в таких обстоятельствах невелик: либо надо любым самым грубым способом «отшить» соседа и вовсе с ним не общаться, либо – если тебя такой вариант действий не устраивает – уступать ему и соглашаться со справедливостью его *дурацких* (примем же во внимание и *правду героя*) правил. Играть с ним можно только *по его правилам игры*: любая *чужая правда* для него – пустой звук, и он ее во внимание принимать не будет. Таким образом, уступка героя чужому нажиму – не проявление его слабости, а следствие его способности видеть одновременно *две правды*: *свою правду* (настоящую) и *чужую правду*, то есть то, что другие люди считают правдой.

Но точно так же, как в этом простейшем примере, можно толковать почти все отношения героя с появляющимися на экране персонажами. Он не может запретить дочке, вышедшей замуж за откровенного балбеса, уехать на какой-то идиотский остров в Ледовитом океане и тем самым почти наверняка испортить себе жизнь – то есть запретить-то он может и даже что-то такое «вякает». Но толку-то в этом? И бесполезно пытаться вбить ей в голову, что этого ни в коем случае не надо делать – станет ли она слушать своих «предков»? Это же не их дело – она уже взрослая и имеет полное право самостоятельно строить свою жизнь. Да, имеет и, вероятно, использует это право на полную катушку, сделав несчастной себя, «предков» и еще не появившихся «потомков». И что тут можно сделать, кроме как уступить и на этот раз? Тем более, что уступите ли вы или театрально проклянете непосlušную дочь, изменить это ничего не может. Точно то же можно сказать и почти обо всех взаимоотношениях, связывающих героя с персонажами второго плана. Кроме одной пары, в которой *интеллигент* сталкивается со *жлобом*.

До определенного момента *жлоб в женском обличье* (которого играет Галина Волчек) ничем особенным не отличается от прочих персонажей, с которыми герою приходится строить взаимоотношения на уступках с его стороны. С этой женщиной героя связывают долгие годы приятельства (вряд ли их отношения можно назвать дружбой): оба они филологи, когда-то вместе учились, а теперь оба зарабатывают художественными переводами в одном и том же издательстве. Герой – по всему видно – талантливый и высоко ценимый в переводческих кругах специалист, она же, в силу своей бездарности и халтурного отношения к своему ремеслу, еле-еле держится на своем месте и заработки ее близки к нулю. Возможно, герою следовало бы прямо указать своей знакомой на бесплодность ее попыток преодолеть свою вопиющую непригодность к творческому труду и посоветовать ей сменить место работы. Но надо ли это делать? Стоит ли огораживать давнюю знакомую таким беспощадным диагнозом и лишать ее всякой надежды на будущий успех? Да что она одна такая что ли? И в художественном переводе, как и везде, количество несомненных бездарей на порядок превышает число тех, кто на что-то способен и что-то умеет – и ничего: все живут, и даже некоторым удается добиться известности и процветания. Так, может, пусть и она старается, карабкается, сучит ножками – глядишь, что-нибудь и выйдет. Имеет же и она право *бороться и искать, найти и не сдаваться*. А раз так, то естественно и помочь многолетней знакомой – ведь отсутствие таланта не исключает права на существование. Да она такова, что тут можно поделаться. Вероятно, логика этих рассуждений и выводов более сомнительна, чем та, что утверждает правду других персонажей фильма, но, мне кажется, что, если подходить к данному случаю по-человечески, не исключая обычной сентиментальной привязанности к тем, кого мы знали с детских и юношеских лет, она достаточно убедительно обосновывает невозможность для героя отказать в помощи своей однокашнице. Он правит ее кошмарные тексты, дает ей рекомендации и советы, даже ободряет ее, закрывая глаза на печальную реальность. Ну, что вы хотите? он – мягкий, деликатный, воспитанный и желающий всем добра человек. Так продолжалось годы, но оказывается всё это время герой заблуждался, считая свою знакомую *нормальным*, хотя и ущербным в отношении художественных способностей, человеком. В фильме мы видим, как случай – а в еще большей степени роковая ошибка жлоба, не сумевшего приглушить свой непомерный аппетит, – открывают ему глаза на сущность издавна знакомой ему женщины: становится очевидным, что эксплуатируя его и, фактически, паразитируя на его добром отношении к себе, она вовсе не считала это *нормой*, обязывающей и ее к подобному отношению к герою, а действовала по логике жлоба, выжимающего максимум из любых взаимоотношений

с окружающими. Эта *жлобка* (использую уж это несуществующее в языке слово – без него здесь трудно обойтись), сдав в издательство свой перевод, исправленный (а точнее, полностью переделанный) героем, и заслужив за это похвальный отзыв, пользуется данным обстоятельством и «перехватывает» у нашего героя давно лелеемую им работу: заказ на перевод некоего, нежно любимого им, английского писателя. Для него это удар ниже пояса. Вряд ли бы он спокойно снес такую подножку от кого-то другого, но она умоляет простить и понять ее – у нее это единственный шанс получить серьезный и престижный заказ. Стиснув зубы и не скрывая своей обиды и досады, он всё же обещает не ставить ей это в вину – что тут поделаешь, хоть это дикая несправедливость и просто нелепость, но так получилось. Промолчи она в этот момент, и, вполне возможно, обида постепенно бы стерлась, а *жлобка* продолжала бы пользоваться помощью нашего героя. Но она не может сдержать себя и делает роковую ошибку: просит дать ей наверняка имеющиеся у него заготовки для замышляемого в будущем перевода. Всё! Перенатянутая струна лопнула, и происходит взрыв: *Может тебе еще и полы помыть?* – слышит она в ответ на свою опрометчивую просьбу.

Взрыв, вероятность которого я старался обосновать в теории, производит резкое смещение чувств в душе героя: *ах, вот как! вы, значит, так со мной?! ну, так и я не буду с вами нянчиться.* И можно, по крайней мере, надеяться, ситуация со *жлобкой*, хоть это и не показано в фильме, окончательно разрешена: он не будет ей помогать, а может, и откровенно выскажет свое авторитетное мнение о ее переводческих способностях – и дальнейшая ее карьера, видимо, закончена. Придется ей поискать другое место службы и там уже найти кого-нибудь, из кого она будет сосать соки. В этом смысле коллизия «*жлоб* – интеллигент» нашла свое благополучное, хоть и запоздалое, разрешение. Интеллигент, правда, изрядно пострадал, но и *жлоб* понесет в ближайшем будущем заслуженную кару.

Однако ничего подобного нельзя сказать о проблемах героя, связанных с другими персонажами. Ведь отношения героя с ними строились не на его заблуждении, а на реальности – они-то и в самом деле таковы, какими он их видит. А потому его решение быть жестче, требовательнее и не давать никому спуска ничего, в сущности, изменить не может: если отношения не будут окончательно разорваны – а как он может с ними разорвать? – они будут существовать со всеми теми же проблемами. Марафон продолжается и конца ему не предвидится.

Подождите, скажет читатель, *если дело вовсе не в слабости характера героя, то в чем же дело? почему он запутывается в своих проблемах? Ведь аналогичные проблемы возникают и у других людей, и они как-то ими решаются: с потерями или без, хуже или лучше, но решаются. Что же мешает ему прийти к определенным решениям?* – Вот-вот. Именно так. Если бы герой вел себя так, как ведут себя обычные соседи, обычные мужья, отцы, влюбленные и т.д., он, по-видимому, вовсе не выглядел бы мягкотелым и добился бы каких-нибудь успехов в улаживании своих проблем, пришел бы к неким компромиссам, где-то что-то бы выиграл, где-то уступил, и жил бы как все нормальные люди. Но подумаем, как приходят к компромиссу обычные люди, если не могут согласовать свои правды и прийти к единому мнению о справедливой норме? У них ведь остается лишь один выход: перейти в плоскость силового разрешения спора. Супруги спорят, скандалят, льют слезы, бьют посуду, улецают вниманием и подарками, угрожают разводом и завлекают радужными перспективами – короче говоря, отбросив в сторону бесполезные призывы к правде и справедливости, используют все мыслимые способы воздействия на партнера, чтобы добиться максимума желаемого, и здесь вопрос решается соотношением сил и эффективностью силовых приемов. Всё в точности, как у *жлобов*. Наш герой отличается от обычных *нормальных людей* лишь тем, что он не только не имеет внутри себя *жлобской цели* отхватить как можно больше, но и отказывается от *жлобской тактики* при достижении своей справедливой нормы. Так что прав оказывается академик Лихачев – если, действительно, ему принадлежит утверждение, с которого начались наши рассуждения, – *жлоб*, и в самом деле, антипод *интеллигента*. Потому что *интеллигент* отстоит от *жлоба* дальше, чем все прочие *нормальные люди*.

На этом я заканчиваю обсуждение данной темы и напоследок хочу добавить лишь одно замечание. Расхвалив интеллигента и оправдав его по всем, можно сказать, пунктам обвинения, будет нечестно, если мы не упомянем об одном неприятном следствии той тактики, которую

использует образцовый интеллигент в ситуациях возможного конфликта интересов. Мы говорили, что, хотя отпетые жлобы в обществе нормальных людей встречаются не так уж и часто, склонность к жлобству и соблазн легко урвать нечто сверх своей меры распространены весьма широко (и при этом не равномерно), так что общий уровень жлобства не так уж и низок, и нам приходится не редко сталкиваться со *спорадическими случаями жлобства*, обусловленными тем, что *нежлоб* попадает в соблазняющую его ситуацию. Можно подозревать, что интеллигентская тактика порождает такие ситуации и подталкивает в целом приличных людей к жлобским поступкам.

2019